

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2020-4-76-84

ДЕТИ ЛОГОСА ИЛИ КАК ХИТРОУМНЫЕ ГРЕКИ СКОНСТРУИРОВАЛИ СЕБЕ ГРАЖДАНСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Михаил Мартынов

Сургутский государственный университет

Алена Габеркорн

Сургутский государственный университет

Аннотация

Статья посвящена исследованию вклада политической философии в формирование полисного единства и гражданской идентичности античного общества. Античная политическая философия сыграла роль «машины идентичности», используя различные способы конструирования этой идентичности, последовательно обосновывая ее физикой, моралью, концепцией наилучшей формы правления. Первоначально это конструирование ценностей патриотизма и гражданского долга, как основы полисной идентичности, опиралось на космоцентристскую натурфилософию. Кризис полиса вызвал критику этой концепции со стороны софистов, увидевших в ней средство политических манипуляций. Заслужив Сократа, Платона, Аристотеля, Цицерона становится разработкой концепта гражданского долга патриотизма как политической категории, отличной от приморидиального чувства любви к Родине. Также был сделан вывод, что долженствование граждан по отношению к государству, как основа государственной идентичности, возможно только при условии исполнения самим государством своего долга перед гражданами. Гражданская идентичность в глазах этих мыслителей опирается не только на любовь к Родине, но и предполагает политический выбор.

Ценность античного опыта конструирования идентичности связана с обращением к науке и рациональной аргументации. Современные теории идентичности зачастую апеллируют к нерационалистическим аргументам, в том числе к националистическим. Однако понятие «национальная идентичность» слишком многозначно. Государственная идентичность, опирающаяся на национальные, исторические и культурные традиции, постоянно будет сталкиваться с риском появления людей, для которых эти традиции окажутся чужими. Античный опыт конструирования гражданского единства средствами рациональной аргументации можно рассматривать как историческую традицию, в которой так нуждается «конституционный патриотизм» для обоснования современного варианта гражданской идентичности.

Ключевые слова: гражданская идентичность; политическая философия; патриотизм; «конституционный патриотизм».

Конфликт этнических и гражданских начал в национальном самосознании превращается в основное когнитивное противоречие современного общества. Вспомним, как после окончания чемпионата мира по футболу 2018 г. известный немецкий футболист Месут Озил в своем открытом письме, подчеркнув, что считает себя именно немцем, тем не менее, объяснил отказ от дальнейших выступлений за сборную Германии предвзятым отношением к его этническому происхождению. «Высокопоставленные чиновники Немецкого футбольного союза не уважают мои турецкие корни», – заявил спортсмен¹.

Как из единичного и отдельного создать общее, целое? Как из этнически, социально, конфессионально различающихся людей сформировать единое государство? Как создать гражданскую или макрополитическую, по выражению современного исследователя О.Ю. Малиновой (Малинова, 2010), идентичность? И когда впервые в истории подобная идентичность возникла?

© Мартынов М. Ю., Габеркорн А. И., 2020

¹ «Я немец, когда мы побеждаем, и иммигрант, когда проигрываем». Полный текст письма Озила к Германии, *EUROSPORT*. URL: https://www.eurosport.ru/football/story_sto6858958.shtml (дата обращения: 29.10.2019).

Известно, что к каким бы феноменам современной цивилизации мы не обращались – алфавиту, театру, философии и пр., – своим происхождением они обязаны гению древних греков. Возможно, что опыт формирования гражданской идентичности не стал исключением.

Античная цивилизация является для нас уникальной исследовательской лабораторией в силу того, что ее история представляет собой законченный цикл эволюции политических форм: от переходной – в виде вождистской, монархической власти царей и басилеев – к классической демократии, с последующим ее вырождением в охлократическое и олигархическое управление, завершаясь установлением авторитарных, имперских режимов в качестве последнего акта гибели прежнего мира и его политического устройства. Причем, эта эволюция была отрефлексирована самой античной политической мыслью, позволяя нам сегодня экстраполировать ее наблюдения, включая опыт формирования идентичности, на политические практики современного мира, в общих чертах повторяющие закономерности развития той – древней цивилизации. Конструирование новых идентичностей, которое мы наблюдаем сегодня в государствах постсоветского, да и не только постсоветского пространства – отнюдь не изобретение современности. Эта задача впервые была поставлена и решена политической философией античности еще в VI–V вв. до н.э.

Начало античному способу производства, как известно, было положено социально-политическими реформами Солон-Клисфена в Древней Греции (VI в. до н.э.). Их следствием стало образование свободного слоя людей, которых теперь было запрещено обращать в рабство, и переход к демократической форме управления.

Это новое общество остро нуждалось в обеспечении политической идентичности как условия внутренней сплоченности и консолидации граждан перед лицом внешних и внутренних угроз. «Только при единомыслии могут быть совершаемы великие дела...», – провозгласит Демокрит (Материалисты Древней Греции, 1955: 168).

Идентификационным символом такого единства являлось гражданство. Принадлежность к нему превращала население полиса в сообщество, которое «выступало в роли своеобразной «наследственной аристократии», являясь, по сути, основной политической элитой. Все члены этой широкой по составу «элиты» были равны постольку, поскольку их положение определялось наличием единственного качества – гражданства, которым не обладал ни один из «аутсайдеров» (Ober, 1989: 261). Именно эта идентичность институализировала полис в качестве узкоограниченного и максимально закрытого гражданского коллектива, который, как подчеркивает К. Раафлауб, обеспечивал причастность к власти членов этих коллективов, то есть – демократию (Raaflaub, 2015: 37).

Этот новый способ идентификации коренным образом отличался от прежнего – «догражданского», опиравшегося на родственные узы и психологическую «привязанность» к конкретной местности, территории, которую Э. Хобсбаум назвал «низовым патриотизмом» (Хобсбаум, 1998: 120). Распад родовой общины и появление социально дифференцированного общества ознаменовал и переход к принципиально новому, политическому по своему смыслу, способу идентификации. Первобытный дикарь определял себя природно – по родовому признаку, подданный древних монархий – архаично-патерналистски, гражданин полиса должен был сделать это политически. Гражданское общество требовало гражданских же типов идентичности и патриотизма.

Причем, этот древнегреческий опыт по созданию гражданской идентичности характеризует своеобразная «лабораторная чистота», связанная с отсутствием в этот период такой формы общности, как нация, к которой апеллируют, часто иррационально, когда поиски других идентификационных смыслов заходят в тупик. В результате, для древних греков единственно возможным путем обоснования идентичности стало понимание ее как чисто политической, гражданской и обращение для этого обоснования к науке и рациональной аргументации.

Помимо прочего, это объясняет нам и обстоятельства появления античной философии.

«Возникновение философии до сих пор представляет проблему, по поводу которой спорят многочисленные исследователи», – говорится в одном из учебников по истории философии (Богомолов, 2006: 28). Но большинство авторов учебников данной проблемой даже не озадачиваются. Изложение истории античной философии начинается сразу с описания философии Милетской школы без всяких эквивалентов на обуславливающие политические обстоятельства (Адо, 1999: 34; 2016: 28; Надточаев, 1990: 22). В такой трактовке философия рождается сознанием выдающихся творческих личностей: «Философию делают люди – люди-мудрецы, незаурядные личности-мыслители, пытливые, ищущие, творящие» (Петров, 2012: 7). Подобное возникновение философии из сознания мыслителей выглядит столь же чудесным, как появление богов-олимпийцев из головы Крона. И лишь объяснение

причины появления философии необходимостью концептуального обоснования гражданской идентичности избавляет нас от апелляции к подобным чудесам.

На самом деле, само появление древнегреческой философии было реакцией на политический запрос по формированию гражданской идентичности.

Космоцентристская философия греков выводила гражданское должностное, в качестве основы полисной идентичности, из Логоса – закона подчинения части целому, общему. Этот главный закон мироздания формировал основное качество Космоса – гармонию. Так устроен Космос, значит, так же должен быть устроен и полис. И если Логос – это подчинение части целому, единичного – общему, то для полиса это звучит, как такое же безусловное подчинение интересов гражданина интересам государства, становясь основой формирования полисной идентичности.

Научное обоснование греками гражданского долга заключалось в рассмотрении его в качестве более общего принципа мироздания, а значит, должно было опираться на рациональное объяснение того, что есть это «общее». Но ведь именно этот вопрос: что есть «общее» или субстанция, и является основным вопросом философии. Равно как и вопрос, почему это общее, в какой бы форме оно не существовало – воды, огня или атомов – первично по отношению к единичному. И ответ на него вытекал из сугубо политической, идеологической задачи. Поэтому изначально философия возникает именно в своей политической форме как реакция на эту потребность обоснования гражданской идентичности. И лишь затем развиваются прочие отрасли философии, включая онтологию, гносеологию, диалектику как интеллектуальные инструменты, средства решения этой же задачи.

Конечно, на идею гражданского долга как главной добродетели «работали» все: греческое искусство, литература, педагогика. Но это были лишь каналы трансляции тех смыслов, которые создавались политической философией.

Древнегреческая политическая философия в этом смысле стала настоящей «машиной идентичности» по производству смыслов гражданского долга и патриотизма. И древние греки, равно как затем и римляне, – это создания науки, Логоса, сотворенные этой машиной. Политическая философия греков была не простым, пусть и важным «приложением» к античной истории, а ее непосредственным автором.

Однако формирование гражданского типа идентичности, чувства гражданского долга и патриотизма средствами философии и искусства является возможным только при одном условии: если граждане считают, что полис, государство отражает их интересы, если они ощущают тело этого Левиафана как свое собственное. И это не столь длительное состояние имеет место только на восходящем этапе развития демократии. Подобное ощущение государства сохраняется лишь до тех пор, пока микшируются в экономической сфере резкие имущественные различия и существует «средний класс».

Кризис античности был связан именно с углублением социальной дифференциации, сужением поля общего интереса. Известный историк античности М. Финли на примере гибели Римской империи подчеркивал, что главной ее причиной выступало противоречие между землевладельческой аристократией, обогатившейся за счет конфискаций земель и ростовщичества, и плебеями, большая часть которых «сражалась и погибала на длительной службе в легионах, ... а крестьяне из их числа впоследствии утрачивали свои хозяйства в массовом порядке» (Finley, 1978: 9).

Тем не менее, теряющий собственность демос сохраняет политические права, что трансформирует демократию в охлократию – коллективную тиранию бедняков, открыто действующую в интересах «большинства» и приходящую на смену первоначальному смыслу демократии как «суверенитета консолидированного демоса» (Fornara, Samons, 1991: 64–66). Не случайно в сочинениях Фукидида, Ксенофонта, Псевдо-Ксенофонта, Платона и Аристотеля прослеживается откровенно враждебное отношение к этой крайней форме демократии, а само слово они используют как синоним таких понятий, как *ochlos* («толпа», «чернь»), *arogoi* («неимущие») или *plēthos* («многие», «массы») (Hansen, 2010: 505–507).

Отсутствие каких-либо ограничений власти демоса превращало его в своего рода коллективного абсолютного монарха, поведение которого характеризовала безответственность, агрессивность и жестокость или, напротив, излишняя беспечность и благодущие (Hansen, 1987: 94; Mitchell, 2015: 83; Sinclair, 1988: 186–187).

Реакцией на распад социальных связей и ослабление чувства гражданского долга, вызываемых углублением имущественной дифференциации, становится усиление пропаганды полисного единства. Известному отечественному философу М. Лифшицу принадлежит мысль, что чем более разнородным становился античный полис в социальном плане, тем все большее внимание уделялось

официальной идеологии, доказывающей необходимость выполнения гражданского долга: «Раскол общества, вызванный победой частных интересов, ... усиливает потребность в непропорционально развитой надстройке, воплощающей общественное начало и принадлежность каждого индивида к традициям его племени» (Лифшиц, 1979: 16).

Неизбежным поэтому было появление ортодоксального учения, наиболее радикально решившего проблему обоснования концепции гражданской идентичности. И вновь задача была сформулирована как политико-философская, а онтология и физика явились лишь средствами ее решения. Опираясь на атомистическую физическую картину мира, Демокрит формулирует идеи жесткого детерминизма, не оставляющего места личной свободе и сомнениям в необходимости исполнения гражданского долга как основы полисной идентичности.

Но столь же неизбежным в условиях кризиса общества стало и появление идей софистов, которые, как отмечает Марио Унтерштайнер, впервые обосновывали первичность индивидуалистических интересов (Untersteiner, 1993: 13–14). Но причиной явился отнюдь не только пробудившийся вдруг интерес к внутреннему миру человека. Трансформация демократии в охлократию, с ее неизбежной спутницей – олигархической формой правления, превращала прежние ценности патриотизма и гражданского долга в средства политической манипуляции. Учение софистов имело политические корни и стало «постмодернистским» бунтом против идеологической индоктринации и спекуляций на тему гражданского долга.

Отказавшись от натурфилософской проблематики и космоцентристской модели идентичности, софисты утверждают, что законы полиса, в том числе требования гражданского долга, имеют земное, человеческое, а не божественно-космическое происхождение. Поэтому они вполне могут быть использованы в качестве средства манипуляции и обмана граждан, превращаясь в инструмент борьбы разных политических сил за свою выгоду. Фрасимах прямо заявляет это в диалоге, который приводит Платон: «Справедливость, утверждаю я, это то, что пригодно сильнейшему» (Платон, 2016: 757). Софисты обоснованно указывают на возможность политика манипулировать людьми, навязывая выгодные ему идеи. К ним относится и понятие гражданского долга, которое, в сущности, есть «... чужое благо, это нечто, устраивающее сильнейшего, правителя, а для подневольного исполнителя это чистый вред ...» (Платон, 2016: 757). Такая трактовка софистами прежней идентичности, основанной на гражданском долге, носила разрушительный для полиса характер, «свидетельствуя о начавшемся процессе кризиса традиционного уклада полиса, греческого города-государства» (Нерсесянц, 1979: 133).

Идеи Сократа, Платона и Аристотеля, явившие вершину древнегреческой философской мысли, стали интеллектуальным всплеском, вызванным необходимостью ответа на вопрос о необходимости обоснования гражданской идентичности в новых условиях.

Заслугой Сократа явилось возвращение обсуждения идей гражданского долга и гражданской идентичности из софистической стигматизации в сферу рациональной научной аргументации. При этом афинский мыслитель понимал, что прежний натурфилософский способ такой аргументации даже в его высшем – демокритовском – исполнении потерял свою убеждающую силу. Но столь же отчетливо он сознавал необходимость обоснования объективных основ гражданской идентичности. И Сократ предлагает ее принципиально новое содержательное наполнение – нормативно-нравственное. В основу концепта гражданской идентичности он также положил принцип превалирования общего над единичным, частным. Но теперь в качестве общего выступала не материальная, вещественная субстанция, а идеи, существующие вне и независимо от человека. Соответственно, моральные нормы, как основа гражданской идентичности, в трактовке мыслителя, носят объективный характер. Они не создаются человеком по желанию и в соответствии со своим интересом, как это утверждали софисты. На самом деле они вечны, неизменны и носят врожденный характер.

Применяя эту идею первичности общих понятий и моральных норм к обществу и человеческому поведению, философ вновь утверждает первичность прав полиса, Отечества перед правами гражданина. В работе «Критон», объясняя отказ бежать из тюрьмы, чтобы избежать несправедливого наказания, Сократ ведет диалог с Государством и Законами, представляющими Отечество. Эти воображаемые собеседники обращаются к нему со словами: «... Неужели ты считаешь, что твои права и наши права равны? И что бы мы не были намерены с тобой сделать, неужели ты этому будешь противодействовать... Или ты уже настолько мудр, что не замечаешь, что Отечество дороже и матери, и отца, и всех остальных предков, что оно более почтенно, более свято и имеет больше значения и у богов, и у людей – у тех, у кого есть ум – и перед ним надо благоговеть, ему покоряться, и, если оно

разгневано, угождать ему больше, чем родному отцу? Надо его переубедить, либо исполнять то, что оно велит ...» (Платон, 2016: 41).

Но одновременно Сократ вполне разделяет и конструктивистские идеи софистов о решающей роли самого человека и рационального мышления в формировании гражданства и гражданского долга. Он различает любовь к Родине как чувство, прирожденное любому человеку, с одной стороны, и гражданский долг, и патриотизм как политическое качество гражданина, основанные на вполне рациональном осознании им совпадения своих интересов с интересами полиса, – с другой. Причем качество настолько рациональное, что этому гражданину изначально предоставляется даже право выбора Отечества (Платон, 2016: 42). Любовь к родине – это примордиальное чувство, свойственное каждому человеку, но вот патриотизм любви к Родине не тождественен и носит конкретно политический характер.

Эта сократовская мысль о возможности выбора гражданами Отечества и формировании новой идентичности вскоре драматически реализовалась в греческой истории. Свобода греков была похоронена отнюдь не в битве при Херонее, а гораздо раньше, когда граждане пришли к выводу, что полисная власть олигархической псевдодемократии перестала отражать их интересы. И патриотическая риторика Демосфена оказалась не в состоянии перевесить потерю властью легитимности. Превенная власть потеряла легитимность, поскольку в глазах греков стала именно непатриотической, не отражающей их интересы.

Позже в истории подобные ситуации выбора идентичности не раз драматически повторялись, например, в ходе гражданских войн. Участники этих войн могут одинаково любить свою Родину, вот только по-разному видеть ее будущее и идентифицировать ее с разной властью и с разными государственными устройствами. Как это произошло в годы столкновения «красных» и «белых» и последовавшей русской эмиграции в отечественной истории.

Возвращаясь к Сократу, скажем, что обоснование им гражданского патриотизма путем объективации норм морали создавало возможность принципиально новой социальной регуляции, способной спасти распадающуюся полисную систему. Однако, сформулировав эту задачу, мыслитель не смог довести ее до конца, не обнаружив в своих согражданах, по сути уже живущих в условиях не столько демократической, сколько охлократической политической системы, необходимой нравственной силы для принятия идеи гражданской идентичности, основанной на моральном убеждении. Попытка же моральным просветительством подвигнуть сограждан на нравственное перерождение, как известно, закончилась для Сократа трагически.

Платон пытается основать свой вариант гражданской идентичности на более прочном фундаменте. Заслугой мыслителя явилось глубокое понимание причин кризиса самой идеи гражданского должностования. Он справедливо усматривает их в имущественном расслоении. С этого момента и до сегодняшнего дня дискуссия вокруг концепта гражданской идентичности обрела особую полемическую заостренность: насколько нравственно добиваться ее в условиях социально дифференцированного общества, и тем самым сохранять социально несправедливое, с точки зрения значительной части граждан, устройство?

Сам Платон решил эту проблему предельно радикально, предложив, как известно, просто ликвидировать основной источник социального расслоения, а значит и возможность непатриотического поведения и распада гражданской идентичности, – частную собственность.

Однако эти модели сохранения гражданской идентичности оказались несостоятельны перед напором углубляющейся социальной дифференциации, уже в ту далекую эпоху показав ограниченность конструктивистских практик. Устранить препятствие формированию гражданской идентичности, отменив частную собственность в духе предложений Платона, было нереально, сократовское морализаторство на тему гражданского долга соотечественников только раздражало, а использование властью идеи полисного единства и гражданского долга в манипулятивных целях подвергалось аргументированной критике софистами как идеологическая спекуляция.

Новизна аристотелевского подхода заключалась в наполнении гражданской идентичности конкретным политическим содержанием: отношением гражданина и государства. Аристотель совершенно недвусмысленно заявляет: «... Не всякий хороший человек в то же время является гражданином, но гражданин только тот, кто состоит в известном отношении к государственной жизни, кто имеет или может иметь полномочия в деле попечения о государственных делах или единолично, или вместе с другими» (Аристотель, 1984: 454–455).

Поэтому, хотя Стагирит вводит в содержание гражданской идентичности понятие осознанной ответственности гражданина за свой выбор: «... Среди людей все принимают решения о том, что

осуществляется ими в своих поступках» (Аристотель, 1984: 102) – у этого выбора есть объективное основание, условие. Этим основанием не могут быть ни натурфилософские «стихии» досократиков, ни моральные понятия Сократа, ни умозрительное представление об «общем благе» Платона. У Аристотеля выполнение человеком гражданского долга должно покоиться на убеждении, что государство действует, безусловно, в интересах общества и для пользы граждан: «... К этому людей побуждает и сознание общей пользы, поскольку на долю каждого приходится участие в прекрасной жизни: это по преимуществу и является целью как для объединенной совокупности людей, так и для каждого человека в отдельности» (Аристотель, 1984: 455). То есть, должностное граждан по отношению к государству, как основа государственной идентичности, возможно только при условии исполнения самим государством своего долга перед гражданами.

Именно эта проблема и стала для Аристотеля отравной точкой в размышлениях о наилучшей форме государственного правления, составивших, как известно, основное содержание его «Политики». Особый интерес представляет описание им причин государственных переворотов. Фактически, здесь Стагирит, пусть и в неявном виде, формулирует идею делегитимизации власти. «Повсюду причиной возмущений бывает отсутствие равенства», – пишет Аристотель (Аристотель, 1984: 530). Но возмущение вызывает не неравенство как таковое, а неравенство несправедливое, незаслуженное: «Стремление получить прибыль и почет ведет к взаимному раздражению людей не потому, что они желают приобрести их, как сказано ранее для самих себя, но потому, что они видят, как другие одни справедливо, другие несправедливо – в большей степени пользуются этими благами» (Аристотель, 1984: 530). И далее Стагирит приводит многочисленные примеры из истории греческих полисов, когда, пользуясь падением авторитета власти, демагоги приходят к власти, организуя демос на борьбу против олигархии или аристократии именно под лозунгами наказания последних за предательство интересов народа. Гражданский долг становится мерилем деятельности самой власти и критерием ее легитимности.

Впрочем, Аристотель так и не сумел найти среди греческих полисов пример идеального государственного устройства, отнеся таковое к далекому прошлому – афинскому государству времен Перикла. Предполагая возможность возврата к этому идеализированному периоду, Аристотель выглядит еще большим утопистом, чем критикуемый им Платон. И это не случайно. Никакая, даже прекрасно организованная власть, сформированная по всем рецептам от науки, не способна длительно сохранять гражданскую идентичность в социально расколотом обществе.

Впрочем, то, что не удалось сделать политическому мыслителю, казалось бы, добился политик-практик. Ученик Аристотеля Александр Македонский, сформулировал свой идеал идентичности, способный объединить граждан всей Эллады. Ему удалось ответить на вопрос, актуальный и для сегодняшних электоральных демократий: как возможно, сохраняя крупную собственность в руках немногих, удовлетворять, тем не менее, интересы и большинства граждан? Выход был прост: чтобы не перераспределять ресурсы от богатых бедным внутри страны, взять их извне – у других народов. Идея захвата Персидской империи стала основой формирования общеэллинской идентичности и взрыва патриотического энтузиазма.

Смыслы имперской идентичности получили завершение в римской истории. Когда «общенациональная идея» ограбления других народов себя исчерпала, прежнее единство сменилось острыми конфликтами. Прежний «римский миф» – представление о единстве римского народа, – исправно «работавший» на этапе расширения государства и захвата чужих территорий, в чем были заинтересованы все слои римских граждан, обеспечивая их единство, после прекращения расширения роста, начал стремительно разрушаться. Попыткой скрепить распадающуюся ткань прежнего римского единства и стало обоснование идеи гражданского долга в имперской идентичности.

«Машина идентичности» снова заработала на полную мощь. И вновь необходимость смыслового наполнения этой идентичности дала толчок развитию философии, предоставив римлянам возможность наконец-то сделать шаг в создании собственной оригинальной мысли, выйдя за пределы прежних заимствований у греческих авторов.

Цицерону принадлежит заслуга своеобразной «иерархизации» понятия гражданского долга как основы гражданской общности. Он перечисляет известные виды обязательств: обязанности перед знакомыми, друзьями, родственниками, дальними и затем ближними, признавая и право, и необходимость заботиться о благополучии близких людей: «Если нам предстоит, так сказать, спор и сравнение, дабы мы могли решить, перед кем именно мы в наибольшем долгу» (Цицерон, 1974: 73). Однако затем он добирается до последнего вида обязанностей – долга перед государством. И именно его он объявляет наивысшим: «Но если взглянуть на все с точки зрения разума и души, то из всех общест-

венных связей для каждого из нас наиболее важны, наиболее дороги наши связи с государством. Дороги нам родители, дороги дети, родственники, близкие, друзья, но отечество одно охватило все привязанности людей» (Цицерон, 1974: 72–73). Римское государство, опираясь на принцип подобной «иерархизации» долженствования, смогло достаточно успешно сформировать общеимперскую идентичность, гибко сочетая ее с локальной, приватной любовью членов союзных Риму народов к «малой родине».

Подводя итоги, отметим, что именно Античность подарила нам первый опыт конструирования гражданской идентичности на основе научной рациональной аргументации. Более того, античная философия сыграла роль «машины идентичности», «перепробовав» все способы такого конструирования по мере подъема, а затем деградации полисной системы, последовательно обосновывая необходимость гражданской ассоциации физикой, моралью, концепцией наилучшей формы правления и даже идеей объединения для ограбления других народов с последующим обретением имперского обличия.

Аллюзии эволюции гражданской идентичности в античной истории с аналогичными процессами современности, конечно, несколько затушевываются различиями исторических эпох и, в первую очередь, – появлением нового типа исторической общности – нации. Необходимость рационального обоснования гражданского долженствования, начиная со второй половины XIX в., все в большей степени замещалась концептом националистического патриотизма, призванного микшировать социальные противоречия, заменяя их «надклассовым», примордиальным принципом «любви к Родине». Однако XXI в. обострил миграционные проблемы, а поэтому и националистическую тематику. Националистический патриотизм все чаще стал превращаться в «палку о двух концах», ведь с его помощью легко обосновать не только объединение граждан в общее государство, но и их разъединение по этническому признаку.

Реакцией на эту, чреватую постоянными кризисами, ситуацию стало появление «конституционного патриотизма», который определяется как «готовность граждан идентифицировать себя с политическим строем и с принципами основного закона» (Хабермас, 2005: 123). С точки зрения Ю. Хабермаса, идентичность в этом случае основывается не на общности истории или этнического происхождения, а на зафиксированных в конституции рационально разделяемых всеми принципах демократии и прав человека (Хабермас, 2005: 122). Она выступает в выхолощенном от исторического и этнического содержания, в сугубо юридическом виде, исключая националистические экзерциции.

Однако другие немецкие интеллектуалы, в первую очередь, выходцы из Восточной Германии, подвергли такой формально-абстрактный подход к трактовке патриотизма, критике. По их мнению, формирование новой немецкой идентичности должно опираться на культурные и исторические основы (Коротецкая, 2012: 95). Л.В. Коротецкая, описывая эту точку зрения, приводит весьма поэтичное высказывание по данному поводу Фрица Радатца: «Да, эмоции. А почему, собственно, я должен стыдиться признания того, что соленый воздух Хиддензее и сухой треск сосновых веток в городке Марк в земле Бранденбург – это все часть меня? ... Я не могу жить счастливо с предписаниями, которые накладывают табу на мой разум и на мои чувства, на мои корни и на мои ветви: я – немец» (Коротецкая, 2012: 94).

Но как быть с теми прочими гражданами, у которых нет этих «корней» и «ветвей», например, с немцами турецкого происхождения, вроде Месута Озила, строки из открытого письма мы приводили в начале этой статьи, и у которых может быть совсем иное мнение об исторических и культурных корнях? Современные концепты гражданской идентичности, опирающиеся на примордиальные основы патриотических чувств – национальные исторические и культурные традиции, – постоянно будут сталкиваться с риском появления людей, для которых эти основы окажутся чужими. И уж тем более, эта проблема остро стоит для многонациональной России.

Выходом здесь действительно может стать концепт «конституционного патриотизма», обеспечивающий максимально широкие рамки формирования гражданской идентичности. Но этот концепт не имеет в современной истории того исторического бэкграундера, на который опираются его националистические формы. Может быть, есть смысл увидеть в античном «донациональном» опыте конструирования гражданского единства средствами рациональной аргументации ту историческую традицию, в которой так нуждается «конституционный патриотизм» для обоснования современного варианта гражданской идентичности?

Финансовая поддержка

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания на научно-исследовательские работы от Департамента образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа.

Библиографический список

- Адо, П. (1999) *Что такое античная философия?* / пер. с франц. В. П. Гайдамака. Москва: Издательство гуманитарной литературы, 320 с. [Ado, P. (1999) *What is ancient philosophy?* [Chto takoe antichnaya filosofiya?] / Perevod s francuzskogo V. P. Gajdamaka. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury', 320 p. (In Russ.)].
- Аристотель (1984) *Политика*. Сочинения: в 4 тт. Т. 4. Москва: Мысль, 830 с. [Aristotel (1984) *Polity* [Politika]. Sochineniia v. 4 tt. T. 4. Moscow: Mysl, 830 p. (In Russ.)].
- Богомолов, А. С. (2006) *Античная философия: учебник*. Москва: Высшая школа, 390 с. [Bogomolov, A. S. (2006) *Ancient philosophy: textbook*. [Antichnaya filosofiya. Uchebник]. Moscow: Vy'sshaya shkola, 390 p. (In Russ.)].
- История античной философии: учебное пособие для академического бакалавриата / под общ. ред. С. В. Светлова* (2016) Москва: Издательство Юрайт, 288 с. [The history of ancient philosophy: a textbook for academic undergraduate [Istoriya antichnoj filosofii: uchebnoe posobie dlya akademicheskogo bakalavriata / pod obshh. red. S.V. Svetlova (2016)]. Moscow: Izdatel'stvo Yurajt, 288 p. (In Russ.)].
- Коротецкая, Л. В. (2012) 'Особенности интеллектуального патриотического дискурса в Германии 1990-х годов', *Полис*, 1, сс. 92–99. [Korotetskaia, L. V. (2012) 'Features of intellectual Patriotic discourse in Germany of the 1990s' [Osobennosti intellektualnogo patrioticheskogo diskursa v Germanii 1990-kh godov], *Polis*, pp. 92–99. (In Russ.)].
- Лифшиц, М. (1979) *Мифология древняя и современная*. Москва, 581 с. [Lifshits, M. (1979) *Mythology of the ancient and modern* [Mifologiya drevniaia i sovremenniaia]. Moscow, 581 p. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2010) 'Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России', *Полис*. *Политические исследования*, 2, сс. 90–105. [Malinova, O. Ju. (2010) 'Symbolic politics and the construction of macropolitical identity in post-Soviet Russia' [Simvolicheskaja politika i konstruirovaniye makropoliticheskoy identichnosti v postsovetsoj Rossii], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2, pp. 90–105. (In Russ.)].
- Материалисты Древней Греции: собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура* (1955) Москва. [Collection of texts of Heraclitus, Democritus and Epicurus [Materialisty Drevnei Gretsii Sobranie tekstov Geraklita Demokrita i Epikura]. Moscow (In Russ.)].
- Надточаев, А. С. (1990) *Философия и наука в эпоху античности*. Москва: Изд-во МГУ, 286 с. [Nadtochaev, A. S. (1990) *Philosophy and science in the era of antiquity* [Filosofiya i nauka v e'poxu antichnosti]. Moscow: Izd-vo MGU, 286 p. (In Russ.)].
- Нерсисянц, В. С. (1979) *Политические учения Древней Греции*. Москва, 264 с. [Nersisants, V. S. (1979) *Political teachings of Ancient Greece* [Politicheskie ucheniia Drevnei Gretsii]. Moscow, 264 p. (In Russ.)].
- Платон (2016) *Полное собрание сочинений в одном томе*. Москва, 1311 с. [Platon (2016) *The complete works in one volume* [Polnoe sobranie sochinenii v odnom tome]. Moscow, 1311 p. (In Russ.)].
- Хабермас, Ю. (2005) *Политические работы / сост. А.В. Денежкина; пер. с нем. Б.М. Скуратова*. Москва: Праксис, 368 с. [Habermas, Y. (2005) *Political works / comp. A.V. Denezhkin; per. with him. B.M. Skuratov* [Politicheskiye raboty]. Moscow: Praxis, 368 p.
- Цицерон (1974) *О старости. О дружбе. Об обязанностях*. Москва, 243 с. [Tsitseron (1974) *About old age. On friendship. About the responsibilities* [O starosti. O druzhbe. Ob obiazannostiakh]. Moscow, 243 p. (In Russ.)].
- Finley, M. I. (1978) 'Empire in Greco-Roman World', *Greece & Rome*, 25 (1), pp. 1–15.

- Fornara, Ch. W., Samons, L. J. (1991) *Athens from Cleisthenes to Pericles*. Berkeley etc., 199 p.
- Hansen, M. H. (1987) *The Athenian assembly in the age of Demosthenes*. Oxford; N.Y., 249 p.
- Hansen, M. H. (2010) 'The concepts of *dēmos*, *ekklesia* and *dikasterion* in Classical Athens', *Greek, Roman and Byzantine Studies*, L, 50, pp. 499–536.
- Mitchell, Th. N. (2015) *Democracy's Beginning: The Athenian Story*. New Haven; London, 368 p.
- Ober, J. (1989) *Mass and elite in democratic Athens: Rhetoric, ideology and the power of the people*. Princeton (N.J.), 390 p.
- Raaflaub, K. A. (2015) 'Why Greek Democracy? Its Emergence and Nature in Context', *A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic* / Ed. by Hammer D. Oxford, pp. 23–43.
- Sinclair, R. K. (1988) *Democracy and participation in Athens*. Cambridge etc., XVI, 253 p.
- Untersteiner, M. (1993) *Les Sophistes*. T. 1. Paris: Vrin.

Информация об авторах

Мартынов Михаил Юрьевич – доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник, Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный университет» (БУ ВО «Сургутский государственный университет»). E-mail: martynov.mu@gmail.com (ORCID: 0000-0002-8245-7359. ResearcherID: F-8115-2019).

ГаберкORN Алена Игоревна – ассистент, Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный университет» (БУ ВО «Сургутский государственный университет»). E-mail: gab_alena@mail.ru (ORCID: 0000-0003-0652-8431. Researcher ID: V-5577-2019).

Статья принята к печати: 30.10.2020

THE CHILDREN OF THE LOGOS OR HOW THE CLEVER GREEKS CONSTRUCTED A CIVIL IDENTITY FOR THEMSELVES

M. Y. Martynov
Surgut State University

A. I. Gaberkorn
Surgut State University

Abstract

The article studies the contribution of philosophy to the formation of political unity and the civic identity of ancient society. Ancient philosophy used to construct civic identity, consistently justifying it with physics, morality, and the concept of the best form of government. Initially, this construction was based on cosmocentric natural philosophy. The crisis of the Polis led to criticism of this concept by sophists and the development of the concept of civic duty of patriotism as a political category. Civic identity and patriotism in the eyes of these thinkers presuppose a political choice. The ancient experience of identity construction is connected with the appeal to science and rational argumentation. Modern identity theories often appeal to non-rationalist arguments, including nationalist ones. However, the concept of "national identity" is too ambiguous. State identity, based on national, historical, and cultural traditions, will constantly face the risk of alienating some people. The ancient experience of constructing civil unity by means of rational argumentation can be considered as a historical tradition, which "constitutional patriotism" needs to justify the modern version of civil identity.

Keywords: civil identity; political philosophy; patriotism; "constitutional patriotism".